

## Образ Христа в поэме Блока «Двенадцать»

### В. Назаров

Блок не первый из поэтов приблизил к русской революции образ Христа. Незадолго до него сделал это Есенин, Есенин уже революционной, но добольшевистской формации, Есенин — автор «Товарища». Поэт еще в февральские дни понял, вернее — почувствовал своим крестьянским сердцем, жалостью своей, что произошла не «великая бескровная» революция, а началось время темное и беспощадное, потому что «пал, сраженный пулей, младенец Иисус» (так же, как Блок, он называет Христа и по-старообрядчески Иисусом).

Юный поэт увидел Иисуса, как бы снова распятого — революционными пулями, человеческой злобой и ненавистью, еще не воскресшего и похороненного на Марсовом поле: образ подлинно народного ощущения сердцем национальной трагедии... Блок, мучительно, с надрывом переживавший революцию — трагически-хмельную и беспощадную, но в каком-то разрезе своем созвучную народной идее Правды, — хотел выразить в «Двенадцати» эмоциональный хмель «Октября»: и политический, и бытовой трагизм этих дней, когда начиналась новая эра русской, а может быть и всемирной истории. Он слушал «музыку революции», и что-то запело в нем, созвучное наступившим временам. С обыкновенным стихотворцем этого не случилось бы...

«Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Не произойти не могло, случиться могло только в России», — писал Блок матери 19–20 марта 1917 года.

Эмиграция не хочет простить Блоку «Иисуса Христа» в заключительной строке «Двенадцати». Между тем разве не в этом сближении революции с христианством, с дониконовским, до-имперским, протопопово-вакумовским православием — глубинный смысл поэмы? Блок-революционер лишь грубее сказал то, что мерещится в патриотическом исповедании всех наших писателей, противопоставивших Западу Россию, поверивших в ее «особенную статью».

Политические события, разливаясь, докатились до «Октября». После «Октября» образ Христа предстал и Блоку.

Разве образ Христа, обреченного народным восстанием на смерть до грядущего воскресения, не тот же у Блока? Блок выразил по-интеллигентски холодно несколькими словами то, что в поэме Есенина согрето крестьянским чувством.

Когда после революционного экстаза угасавший Блок разуверился в «Октябре», пошел слух, что в своей поэме он собирается заменить другими словами заключительные строки:

В белом венчике из роз —  
Впереди — Иисус Христос.

Может быть, такое намерение у него и было... Когда с одной стороны посыпались на Блока укоры в кощунственной идеализации большевизма, а с другой — в «буржуазном» уподоблении двенадцати красноармейцев — апостолам, он заколебался. А когда годом позже «весна» революции миновала и началось избиение большевиками инакомыслящих, он пришел в ужас от своей большевистской поэмы с Христом...

А на самом деле именно намек на веру народную и в заглавии, и в упоминании об «Иисусе в белом венчике из роз» только и оправдывает до известной степени эту поэму. Народная Правда-святость выражена именно этим возникающим из снеговых вихрей образом Христа с красным флагом, в которого стреляют обезумевшие от ненависти и страха красноармейцы:

— Кто там машет красным флагом?  
 — Приглядишься-ка, эка тьма!  
 — Кто там ходит беглым шагом,  
 Хоронясь за все дома?  
 — Все равно тебя добуду,  
 Лучше сдайся мне живьем!  
 — Эй, товарищ, будет худо,  
 Выходи, стрелять начнем!  
 Трах-тах-тах!

Но от красноармейцев Христос, «и за вьюгой невидим, и от пули невредим», уходит «нежной поступью надвьюжной». Уходит от них или — ведет их?

### С. Маковский

По-своему пытался осмыслить значение образа Христа М. Волошин — современник Блока.

«— Да ведь это против большевиков написано! Двенадцать лжеапостолов не идут за Христом, а преследуют его как врага, расстреливают его. Революция распинает Христа. Вот смысл!

— Однако же Христос машет красным флагом, — возражал Блок.

— Красный флаг в руках Христа, — волнуясь, доказывал Волошин, — очень страшный символ. Кровь ведет народную стихию. И человеческая, и Божья ведет кровавая хоругвь ко вратам грядущего Царствия...»

Волошину стало понятно, что Блок ощущал революцию не как политик. Поэт слышал голос народный о преображающей силе «черной злобы, святой злобы» на погибель старого мира...

### Н. Горбунов

В чем значение образа Христа в поэме Блока «Двенадцать»?

Религиозный суд над поэмой — не дело нашего времени, слишком непосредственно и остро ощущающего противоречия старого и нового мира. Трудно не вспомнить Достоевского, не менее Блока ощущавшего стихию народную. Достоевский впервые усмотрел в ней черты религиозного бунта, «с Богом или против Бога». В известном рассказе «Влас» он отметил в своем герое эту «потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении дойти до самой пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — броситься в нее, как ошалелому, вниз головой.

Достоевский рассказывает следующий случай. Молодой крестьянин в порыве религиозного исступления, богоборчества («кто кого дерзостнее сделает») направляет ружье на причастие («пальнем-ка пулей в Святую Русь!») и в минуту свершения святотатственного деяния, «дерзости небывалой и немыслимой», ему является «крест, а на нем Распятый». «Неимоверное видение предстало ему... все кончилось». «Влас пошел по миру и потребовал страдания». Читаем у Блока:

Впереди — с кровавым флагом,  
 И за вьюгой, невидим,  
 И от пули невредим,  
 Нежной поступью надвьюжной,  
 Снежной россыпью жемчужной,  
 В белом венчике из роз —  
 Впереди — Иисус Христос.

Не такое ли значение имеет примиряющий образ Христа и в религиозной поэме А. Блока?